

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 105

25 апреля 2023 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев с участием заявителя О. в закрытом заседании с использованием видеоконференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе О. от 17 декабря 2022 года (вх. № ... от 19.12.2022) в отношении адвоката Б. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

Квалификационной комиссией Адвокатской палаты города Москвы 15 февраля 2023 года вынесено заключение:

о неисполнении, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (*«адвокат обязан... честно, разумно, добросовестно, квалифицированно и своевременно исполнять свои профессиональные обязанности»*), адвокатом Б. профессиональных обязанностей перед доверителем О., выразившемся в том, что адвокат Б. не направила жалобу в страховую медицинскую организацию (СМО) относительно доступности медицинской помощи с требованием провести по жалобе медико-экономическую экспертизу, несмотря на то, что соответствующее поручение содержалось в п. 1.1 Соглашения № 238/2021 об оказании юридической помощи от 23 декабря 2021 года, заключенного ею с доверителем О.;

о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Б. профессиональных обязанностей перед доверителем О., выразившемся в том, что адвокат Б.:

– не согласовав с доверителем О. содержание искового заявления от 01 марта 2022 года к Департаменту здравоохранения города Москвы о признании права за несовершеннолетним на получение необходимой медицинской помощи на территории города Москвы, направила его в Т. районный суд города Москвы только 23 марта 2022 года, то есть спустя три

месяца после заключения Соглашения № ... об оказании юридической помощи с О. и после получения неоднократных напоминаний об этом со стороны доверителя, а также не направила доверителю О. исковое заявление и после его подачи в суд;

– без уважительной причины не явилась в заседания Т. районного суда города Москвы, состоявшиеся 28 апреля, 27 мая, 28 июня и 30 августа 2022 года по гражданскому делу № ... по рассмотрению искового заявления О. к Департаменту здравоохранения города Москвы, поручив представительство интересов О. в суде третьему лицу, Е., и оставив тем самым доверителя О. без квалифицированной юридической помощи;

о нарушении адвокатом Б. положений п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката (*«Адвокат должен избегать действия (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре»*) и взаимосвязанных положений п. 1 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката (*«Адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю», «Правила сохранения адвокатской тайны распространяются на факт обращения к адвокату, включая имена и названия доверителей, ... условия соглашения об оказании юридической помощи»*)), выразившемся в том, что адвокат Б. направила в адрес Филиала ГБУ МФЦ города Москвы МФЦ района Я. Адвокатский запрос № ... от 23 сентября 2022 года, не соответствующий требованиям ст. 6.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», не для получения конкретно определенных сведений (доказательств), необходимых адвокату Б. в целях оказания квалифицированной юридической помощи доверителю О., а в своих личных интересах, для получения сведений о доверителе и в целях оказания давления на доверителя в конфликтной ситуации путем сообщения по месту работы О. компрометирующих ее сведений, и при этом указала в запросе сведения о доверителе О. и о заключенном с ней соглашении об оказании юридической помощи, составляющие адвокатскую тайну;

о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Б. по жалобе О. от 17 декабря 2022 года (вх. № ... от 19.12.2022), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель О. в заседании Совета сообщила, что ознакомлена с заключением Квалификационной комиссии, частично согласилась с выводами Комиссии. Не согласна с тем, что Комиссия не усмотрела нарушений во включении адвокатом Б. в соглашение об оказании юридической помощи её помощников, а также в том, что адвокат Б. изменила по своему усмотрению, без согласования с ней существо исковых требований и вид судопроизводства.

Адвокат Б., извещённая надлежащим образом, в заседание Совета не явилась, подала письменное заявление (вх. № ... от 25.04.2023) с просьбой рассмотреть дисциплинарное производство в её отсутствие и прекратить его, не указав оснований, по которым она полагает производство подлежащим прекращению, а также какой-либо мотивировки этой просьбы.

Ранее адвокат Б. представила письменные пояснения (вх. № ... от 24.04.2023), в которых фактически повторила ранее данные ею Квалификационной комиссии объяснения. Полагает, что подавать претензию в страховую медицинскую организацию не было смысла, и заявительница О. с такой позицией была согласна, однако адвокат не заключила соответствующего дополнительного соглашения о внесении изменений в предмет Соглашения об оказании юридической помощи. Участие в судебных заседаниях Е. соответствовало п. 2.2 Соглашения от 23 декабря 2021 года, и О. была оформлена нотариальная доверенность на имя Е. Факт подачи адвокатского запроса уже после расторжения Соглашения с О. не нарушает «условия адвокатской тайны», поскольку адвокатский запрос по месту работы О. был сделан для защиты её (адвоката Б.) прав и обусловлен угрозами, поступающими от О. и ее супруга, и их агрессивным поведением.

Совет, принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, с учётом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел настоящее дисциплинарное производство в отсутствие адвоката Б.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, соглашается в полном объёме с заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, в результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

23 декабря 2021 года между адвокатом Б. и заявителем О. было заключено Соглашение № 238/2021 об оказании юридической помощи, в соответствии с которым адвокат Б. приняла обязательства оказать доверителю О. следующие виды юридической помощи: *«составление и направление жалобы в СМО относительно доступности медицинской помощи в медицинской организации с требованием провести по этой жалобе медико-экономическую экспертизу; составление и направление искового заявления к Департаменту здравоохранения города Москвы о признании незаконным отказа в предоставлении медицинской помощи по профилю «Психиатрия»; представление интересов доверителя в районном суде города Москвы».*

Пунктом 2.2 Соглашения предусмотрено право адвоката Б. привлекать к оказанию юридической помощи помощников и стажеров. В этом же пункте содержится согласие О. на то, что представлять её интересы «в суде и в

государственных органах могут помощники: Е., 28 июля 2002 года рождения, П., 30 июля 1992 года рождения».

Оплата вознаграждения по Соглашению от 23 декабря 2021 года производилась О. непосредственно на счет адвокатского образования, членом которого являлась адвокат Б. – Коллегии адвокатов «М. и партнеры», в порядке, установленном п. 3.1 Соглашения.

Исковое заявление О., действующей также в интересах своего несовершеннолетнего сына О., 07 мая 2021 года рождения, к Департаменту здравоохранения города Москвы о признании права за несовершеннолетним на получение необходимой медицинской помощи на территории города Москвы поступило в Т. районный суд города Москвы 23 марта 2022 года в электронном виде. Решением от 30 августа 2022 года суд отказал в удовлетворении заявленных требований.

19 сентября 2022 года О. встретила с адвокатом Б., поскольку она не была удовлетворена качеством и объемом оказанной ей адвокатом Б. юридической помощи.

22 сентября 2022 года в мессенджере, а 23 сентября 2022 года Почтой России адвокат Б. направила О. отчет о проделанной работе от 19 сентября 2022 года, дополнительное соглашение от 19 сентября 2022 года к Соглашению от 23 декабря 2021 года, акт приема-передачи документов от 19 сентября 2022 года, а также подлинник доверенности.

Интересы О. в суде апелляционной инстанции адвокат Б. не представляла, апелляционную жалобу на решение Т. районного суда города Москвы от 30 августа 2022 года не готовила и не подавала. Договоренности об апелляционном обжаловании между ними достигнуто не было, а Соглашение от 23 декабря 2021 года предусматривало оказание юридической помощи только в суде первой инстанции.

23 сентября 2022 года адвокат Б. подготовила и направила в адрес Филиала ГБУ МФЦ города Москвы МФЦ района Я. Адвокатский запрос № 108, в котором просила подтвердить или опровергнуть сведения о трудоустройстве О. в МФЦ района Я., а также указала сведения о том, что между ними 23 декабря 2021 года было заключено Соглашение № 238/2021, однако после окончания оказания юридической помощи в адрес адвоката БИ. от О. и «ее сообщника» стали поступать угрозы, в связи с чем адвокатом было подано заявление о возбуждении уголовного дела в отдел полиции по М. району города Москвы.

О. в жалобе выдвинула в отношении адвоката Б. многочисленные дисциплинарные обвинения, а именно – в том, что адвокат Б.:

- не подготовила и не подала жалобу в страховую медицинскую организацию;
- длительное время не подавала иск в суд, исковое заявление не было согласовано с О. и не было направлено ей после подачи;
- не разобралась в документах и в деле, в результате иск был сформулирован неверно и не в соответствии с условиями соглашения;
- не участвовала в судебных заседаниях;

– не информировала доверителя О. о ходе рассмотрения дела, а «отвечала общими фразами, из которых сложно было узнать, как происходит рассмотрение дела»;

– не получила и не представила доверителю решение суда;

– не вернула заявительнице денежные средства, оплаченные в качестве вознаграждения по соглашению;

– нарушила требования к соблюдению адвокатской тайны, поскольку направила адвокатский запрос в отношении О. по месту ее работы, и направление этого запроса не было связано с оказанием юридической помощи О.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Б. не оказала О. квалифицированную юридическую помощь и не исполнила должным образом обязательства по Соглашению № 238/2021 об оказании юридической помощи от 23 декабря 2021 года, а именно: не подготовила и не направила жалобу в страховую медицинскую организацию (далее СМО), длительное время не подавала иск в суд, исковое заявление не было согласовано с О. и также не было направлено ей после подачи, Совет приходит к следующим выводам.

Соглашаясь с Квалификационной комиссией, Совет отклоняет как несостоятельный довод адвоката Б. о согласовании с О. неподачи жалобы в СМО, поскольку заявитель О. последовательно утверждает о необходимости подачи такой жалобы и отрицает наличие какое-либо иной договорённости с адвокатом Б. по этому вопросу. Из представленной в материалы дисциплинарного производства переписки адвоката и доверителя усматривается, что в течение длительного периода действия соглашения они регулярно общались. Следовательно, у адвоката Б. не имелось препятствий к тому, чтобы надлежащим образом согласовать и внести необходимые изменения в Соглашение от 23 декабря 2021 года в части объема оказываемой юридической помощи, если бы его изменение действительно было согласовано. Однако в материалах дисциплинарного производства не имеется никаких доказательств того, что О. намеревалась изменить объем юридической помощи и, в частности, отменить поручение на подачу жалобы в СМО.

При таких обстоятельствах, вопреки доводу адвоката Б., обязательство по подаче жалобы в СМО признаётся Советом принятым, но не исполненным ею.

В части дисциплинарных обвинений в том, что адвокат Б. длительное время не направляла в суд исковое заявление, не согласовала его с О. до подачи в суд, а также не предоставила его доверителю и после его подачи в Т. районный суд города Москвы, Совет также признаёт презумпцию добросовестности адвоката Б. опровергнутой.

Адвокат Б. объясняла задержку в подготовке и направлении иска в суд совокупностью различных причин, связанных с ожидавшимися ею действиями О., а также председателя Коллегии адвокатов М., в которой адвокат Б. осуществляет профессиональную деятельность.

Однако обязательства об оказании юридической помощи по Соглашению от 23 декабря 2021 года принимала на себя адвокат Б., которая и должна была лично подготовить и согласовать с доверителем исковое заявление, а также оказать доверителю иную определенную соглашением юридическую помощь. В материалах дисциплинарного производства не содержится каких-либо доказательств того, что председатель Коллегии адвокатов «М. и партнеры» М. должна была согласовывать и согласовывала с О. исковое заявление, а из представленной адвокатом Б. переписки в мессенджере от 01 марта 2022 года, в которой она направляет абоненту «М.» документ под названием «исковое заявление», не следует, что под «клиенткой» имеется в виду именно О.

Материалами дисциплинарного производства подтверждается, что О. неоднократно интересовалась ходом подготовки искового заявления, просила направить проект ей на согласование, в том числе и в период обсуждения с адвокатом Б. вопросов, связанных с постоянной регистрацией в Москве как сына О., так и её самой. Однако сведения о подаче искового заявления адвокат Б. сообщила О. лишь вечером 23 марта 2022 года, получив перед этим очередной вопрос последней, есть ли какая-то информация по ее иску.

Достоверность переписки, представленной О. в материалы дисциплинарного производства, адвокатом Б. не оспаривалась.

В материалах дисциплинарного производства также отсутствуют какие-либо доказательства того, что проект искового заявления представлялся для согласования О., хотя такое согласование было безусловной и личной обязанностью адвоката Б.

Несмотря на то, что адвокат Б. сообщала О. 23 декабря 2021 года, 30 января, 04 февраля, 01 марта 2022 года о готовности искового заявления, оно было подано и поступало в суд в электронном виде только 23 марта 2022 года – спустя три месяца после заключения соглашения и без согласования его содержания с доверителем.

При этом исковое заявление датировано 01 марта 2022 года, а каких-либо обоснований невозможности его подачи ранее 23 марта 2022 года адвокатом Б. не представлено.

В материалах дисциплинарного производства отсутствуют и какие-либо доказательства того, что адвокат Б. передала О. исковое заявление после его подачи в суд.

При таких обстоятельствах Совет признаёт обоснованным дисциплинарное обвинение в ненадлежащем исполнении адвокатом Б. профессиональных обязанностей перед доверителем О., выразившемся в том, что адвокат Б., не согласовав с доверителем О. содержание искового заявления от 01 марта 2022 года, подала его в Т. районный суд города Москвы только 23 марта 2022 года – спустя три месяца после заключения Соглашения об оказании юридической помощи с О. и после неоднократных напоминаний последней, а также не представила доверителю исковое заявление и после его подачи в суд.

Дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Б. не участвовала в судебных заседаниях, Совет также признаёт обоснованным, а презумпцию добросовестности адвоката Б. в этой части – опровергнутой.

Установленная пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности предполагает личное и непосредственное оказание адвокатом юридической помощи доверителю в соответствии с условиями заключенного между ними соглашения.

О., заключив с адвокатом Б. соглашение, предусматривающее обязанность адвоката Б. *«представлять интересы доверителя в районном суде города Москвы»*, без промедления, 24 декабря 2021 года, оформила на нее (а также, по её предложению, на Е. и П.) нотариальную доверенность, в соответствии с которой предоставила адвокату Б. весь необходимый объем полномочий для судебного представительства. В связи с этим О. обоснованно полагала, что адвокат Б. не только подготовит и подаст в суд исковое заявление в ее интересах, но также будет участвовать от ее имени в судебных заседаниях при рассмотрении спора судом.

Т. районным судом города Москвы рассмотрение гражданского дела № ... по иску О. к Департаменту здравоохранения города Москвы осуществлялось в нескольких судебных заседаниях: 28 апреля, 27 мая, 28 июня и 30 августа 2022 года.

Однако, как усматривается из протоколов судебных заседаний, 27 мая и 30 августа 2022 года в качестве представителя истца О. в них участвовала Е.

Протокол заседания от 28 апреля 2022 года в материалы дисциплинарного производства не представлен, однако имеется лист судебного извещения о назначении следующего судебного заседания на 27 мая 2022 года. На этом листе имеется рукописная запись и стоит подпись Е., а не адвоката Б., в качестве представителя истца.

Адвокат Б. свою неявку в судебные заседания, состоявшиеся 28 апреля, 27 мая и 30 августа 2022 года, не отрицала, сославшись на то, что право на привлечение помощников Е. и П., предусмотрено в п. 2.2 Соглашения от 23 декабря 2021 года, и О. была выдана соответствующая доверенность. В отношении судебного заседания 28 июня 2022 года, в протоколе которого указано на неявку истца, адвокат Б. пояснила, что участвовала в одном судебном заседании – *«когда в протоколе указано якобы на неявку нас всех»*, и информировала О. об итогах после завершения заседания, что подтверждается их перепиской в мессенджере за 28 июня 2022 года, где адвокат Б. сообщила: *«Приезжала Т. Администрация. Попросила отложение для подготовки позиции. На 30 августа»*.

Между тем, из протокола судебного заседания Т. районного суда города Москвы от 28 июня 2022 года усматривается, что судом были проверены явка и полномочия представителей участвующих в деле лиц, в

протоколе указано на неявку истца, приведены сведения о явившихся участниках и их представителях, в том числе об участвовавшем в заседании представителе Администрации Т. области и Департамента здравоохранения Т. области Бу., а также представителе ответчика Ш., который ходатайствовал о приобщении письменных возражений. Судебное заседание было отложено на 30 августа 2022 года «в связи с неявкой истца».

В материалах дисциплинарного производства имеется представленное О. судебное извещение (копия из материалов дела), на котором имеются рукописные записи и подписи участвовавших в деле лиц, а именно: представителя третьего лица Б., а также представителя «ДЗМ, ответчика» Ш., подтверждающие, что они извещены о дате и времени следующего судебного заседания – 30 августа 2022 года в 15.00 час. Подписи истца О. либо ее представителя на данном извещении отсутствуют.

С учетом изложенного Совет, как и Квалификационная комиссия, критически относится к утверждению адвоката Б. о ее участии в заседании Т. районного суда города Москвы 28 июня 2022 года. Поскольку это было единственное судебное заседание по делу, в протоколе которого не указано на участие Е. в качестве представителя истца, Совет полагает, что адвокат Б. использует это обстоятельство для защиты от обоснованного дисциплинарного обвинения. Сведения об итогах судебного заседания, состоявшегося 28 июня 2022 года, сообщённые адвокатом Б. доверителю О., могли стать известны адвокату Б. и в случае, если она не участвовала в нем.

Доказательств того, что адвокат Б. извещала доверителя О. о том, что не намерена принимать / не принимала участие в судебных заседаниях, о наличии у нее уважительных причин неявки в них, а также о том, что О. давала на это согласие, в материалах дисциплинарного производства не содержится.

При таких обстоятельствах Совет признает установленным факт неучастия без уважительных причин в судебных заседаниях по делу адвоката Б., перепоручившей представление интересов О. в суде третьему лицу – Е. и оставившей тем самым доверителя О. без квалифицированной юридической помощи.

В отношении дисциплинарного обвинения в том, что адвокат Б. нарушила требования к соблюдению адвокатской тайны, направив адвокатский запрос в отношении О. по месту ее работы, и направление этого запроса не было связано с оказанием юридической помощи О., Совет приходит к следующим выводам.

Понятие адвокатского запроса, его цель и предназначение сформулированы в ст. 6.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Требования к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса установлены Приказом Минюста РФ от 14 декабря 2016 года № 288.

Согласно п. 1 указанной статьи Закона, адвокатский запрос представляет собой официальное обращение адвоката в органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные

объединения и иные организации по входящим в компетенцию указанных органов и организаций вопросам о предоставлении справок, характеристик и иных документов, необходимых для оказания квалифицированной юридической помощи.

Вопрос о корректности использования адвокатами полномочия по направлению адвокатского запроса, в том числе о порядке и допустимых целях использования этого специального правового инструмента, неоднократно и детально рассматривался органами адвокатского самоуправления. Так, Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (ФПА РФ) в Решении «О допустимых способах реализации адвокатом права на обращение в органы государственной власти и местного самоуправления, общественные объединения и иные организации с запросом о предоставлении документов и фактических сведений» от 24 сентября 2019 года (Протокол № 5) и в Решении «Об адвокатском запросе» от 08 июля 2021 года (Протокол № 4) указал:

«...адвокатский запрос выступает материальным механизмом, обеспечивающим реализацию конституционно значимой функции по оказанию юридической помощи. Данное полномочие предоставлено лицам, имеющим статус адвоката, исключительно с целью получения информации, носящей строго доказательственный характер, – то есть сбора уже имеющихся у адресата адвокатского запроса конкретно определенных сведений, совокупность которых позволит обосновать позицию в интересах доверителя, по вопросам, входящим в компетенцию адресата.

Использование адвокатского запроса не в связи с оказанием квалифицированной юридической помощи конкретному доверителю или в не предусмотренных законом целях (не для сбора доказательств) недопустимо, так же как недопустим сбор информации следователем или судом вне расследования или рассмотрения конкретного уголовного или гражданского дела».

Указанные Решения приняты Советом ФПА РФ в пределах его компетенции, доведены до сведения членов адвокатского сообщества и других лиц путем опубликования на официальном сайте ФПА РФ <<https://fparf.ru>> и подлежат исполнению всеми членами адвокатского сообщества в силу требований п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Как следует из материалов дисциплинарного производства, адвокат Б., вопреки указанным требованиям, подготовила и подала в Филиал ГБУ МФЦ города Москвы МФЦ района Я. адвокатский запрос от 23 сентября 2022 года № 108, в котором указала сведения о доверителе О. и о том, что между ними 23 декабря 2021 года было заключено Соглашение № 238/2021, однако после окончания оказания юридической помощи в адрес адвоката Б. от О. и «ее сообщника» стали поступать угрозы, в связи с чем «адвокатом было подано заявление о возбуждении уголовного дела в отдел полиции по М. району города Москвы». Запрос выполнен на бланке МГКА «Г.», содержит сведения

о регистрационном номере адвоката Б. в реестре адвокатов города Москвы и реквизитах ее удостоверения.

В запросе адвокат Б. просит «подтвердить или опровергнуть сведения о трудоустройстве О. в МФЦ района Я.», указывает, что неправомерный отказ адвокату в предоставлении информации в связи с поступившим от него адвокатским запросом, несвоевременное предоставление соответствующей информации либо предоставление недостоверной информации влекут административную ответственность в виде штрафа в соответствии со ст. 5.39 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также обращает внимание адресата запроса на то, *«что в случае отказа от предоставления сведений адвокат вправе обратиться в суд с заявлением об обжаловании незаконных действий должностного лица и/или организации и требовать исполнения данного запроса, а также возмещения понесенных расходов на оплату госпошлины, юридических услуг, а также материального вреда и упущенной выгоды, причиненных в результате невозможности оказания клиенту юридической помощи по вине должностного лица и/или организации»*.

По форме указанный адвокатский запрос соответствует требованиям Приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 14 декабря 2016 года № 288, однако по своему содержанию он противоречит указанным выше требованиям Федерального закона и решений Совета ФПА РФ.

Адвокат Б. факт направления адвокатского запроса не отрицает, равно как и свою осведомлённость об условиях, основаниях и целях подачи адвокатского запроса, требованиях к его содержанию. Подачу рассматриваемого адвокатского запроса она объяснила намерением оказать содействие правоохранительным органам в сборе доказательств в связи с поданным ею заявлением о привлечении О. и ее супруга к уголовной ответственности, поскольку была сильно напугана тем, что ей говорил и писал супруг О., и считала его угрозы реальными.

Из представленной адвокатом Б. в материалы дисциплинарного производства копии заявления о преступлении, поданного ею в отдел полиции по М. району города Москвы в отношении О. и «лица, представившегося М. (двоюродным братом О.)» следует, что адвокат Б. *«усматривает в их действиях состав преступлений, квалифицируемый ч. 1 ст. 119 УК РФ»*. Заявление датировано 22 сентября 2022 года, подано 26 сентября 2022 года. При этом адвокатский запрос датирован 23 сентября 2022 года.

Совокупность приведенных выше обстоятельств, достоверно установленных в результате дисциплинарного разбирательства, с очевидностью указывает на то, что адвокатский запрос был подан адвокатом Б. не в связи с оказанием юридической помощи доверителю О. и не в интересах последней, а исключительно в собственных интересах и с целью собирания дополнительных сведений о доверителе, оказания на неё давления и причинения вреда ее репутации путём сообщения по месту работы компрометирующих доверителя сведений.

Таким образом, адвокат Б. сознательно и намеренно использовала установленную форму адвокатского запроса, выполнив его на бланке адвокатского образования для придания бóльшей значимости и усиления эффекта от содержащихся в нем негативных сведений о доверителе О.

Сведения о доверителе О., а также о заключенном с ней соглашении об оказании юридической помощи, составляющие адвокатскую тайну в соответствии с п. 1 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, были включены адвокатом Б. в запрос с той же недобросовестной целью. То обстоятельство, что с формально-правовой точки зрения включение этих сведений в адвокатский запрос соответствует п. 5 Требований к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса (утверждены Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 14 декабря 2016 года № 288), не меняет данной оценки с учётом ненадлежащей цели подачи рассматриваемого адвокатского запроса в целом.

Описанные действия адвоката Б., совершённые ею сознательно и намеренно, не просто нарушают установленные нормативные требования к адвокатскому запросу, но и подрывают доверие к Б. как к адвокату, наносят вред репутации адвокатуры в целом, а также причиняют вред ее доверителю О., вследствие чего являются недопустимыми. Этими действиями адвокат Б. нарушила требования п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также установленные Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката требования к соблюдению адвокатской тайны.

Одновременно Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении в оставшейся части дисциплинарного производства в связи с отсутствием в иных действиях (бездействии) адвоката Б. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Так, п. 1.1 Соглашения от 23 декабря 2021 года установлена обязанность адвоката Б. подготовить и подать в суд исковое заявление к Департаменту здравоохранения города Москвы о признании незаконным отказа в предоставлении медицинской помощи по профилю «Психиатрия». Подобного рода требования рассматриваются судами в порядке административного судопроизводства, в соответствии с правилами, установленными ч. 2 ст. 1 КАС РФ. Исковые требования в поданном в интересах О. и ее несовершеннолетнего сына О.Е. в иске к Департаменту здравоохранения города Москвы сформулированы несколько иным образом: «Признать за О.Е. 07 мая 2012 года рождения право на получение квалифицированной медицинской помощи в медицинских организациях города Москвы за счет бюджета города Москвы», а иск подан и рассматривался в порядке искового производства в соответствии с нормами ГПК РФ.

Из жалобы О. усматривается, что целью ее обращения за юридической помощью было обеспечить получение ее сыном на постоянной основе специализированной медицинской помощи в конкретных медицинских учреждениях города Москвы, ПКБ № 1 имени Н.А. Алексеева ПНД № 15 либо ГБУЗ города Москвы «Научно-практический центр психического здоровья детей и подростков имени Г.Е. Сухаревой ДЗМ», поскольку Департаментом в этом было отказано, и в результате О. лишена возможности пройти медико-социальную экспертизу для установления ее сыну инвалидности и получать соответствующее пособие, что позволит ей, в том числе, проводить сыну дополнительные платные медицинские исследования.

Как следует из копии искового заявления, представленной О. материалы дисциплинарного производства, в мотивировочной части иска на данные обстоятельства указано, иск мотивирован нормами законодательства, регулирующего вопросы оказания бесплатной медицинской помощи в Российской Федерации, в просительной части содержится требование о признании за О. права на получение квалифицированной медицинской помощи в медицинских организациях города Москвы за счет бюджета города Москвы.

Право на получение бесплатной медицинской помощи подлежит правовой защите как в порядке искового производства, так и в административном судопроизводстве.

Адвокат Б., являющаяся в силу законодательно определённого статуса (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») независимым профессиональным советником по правовым вопросам, была вправе избрать такой не противоречащий закону способ защиты права доверителя, который считала наиболее эффективным. Сам по себе выбор такого способа не может рассматриваться в качестве дисциплинарного нарушения, поскольку относится к вопросам тактики исполнения адвокатом принятого поручения.

Как следует из судебных актов по делу, избранный адвокатом Б. способ защиты права не признан судами неверным. Отказывая в удовлетворении заявленных исковых требований и апелляционной жалобы, суды сослались не на ненадлежащий способ защиты права, а на иные обстоятельства, которые также не связаны с неполнотой представленных истцом доказательств.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Б. в рассматриваемой части дисциплинарных обвинений неопровергнутой, а дисциплинарное производство подлежащим прекращению.

К такому же выводу Совет приходит в части дисциплинарного обвинения в том, что адвокат Б. не предоставляла О. подробную информацию о рассмотрении дела, нарушив тем самым обязанность, установленную п. 2.1 Соглашения.

Из материалов дисциплинарного производства усматривается, что адвокат Б. отвечала на вопросы доверителя О. об итогах судебных заседаний

достаточно лаконично, однако содержание их переписки не свидетельствует о том, что О. не была удовлетворена получаемыми сведениями. Иных доказательств, подтверждающих данное дисциплинарное обвинение, в материалы дисциплинарного производства не представлено.

Дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Б. не получила в суде и не передала доверителю О. решение суда, также не нашло подтверждения, поскольку такого обязательства адвоката Соглашение не предусматривает, а в соответствии со ст. 431 ГК РФ при толковании условий договора принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Кроме того, материалы дисциплинарного производства не свидетельствуют о том, что доверитель О. обращалась к адвокату Б. с просьбой получить в суде копию решения по делу.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Б. за допущенные нарушения, Совет учитывает их умышленный и грубый характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом Б. основополагающих требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, Кодекса профессиональной этики адвоката и решений органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компетенции. В то же время Совет учитывает, что адвокат Б. имеет незначительный стаж адвокатской деятельности, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекалась. При таких обстоятельствах Совет полагает правильным предоставить адвокату Б. возможность пересмотреть и скорректировать своё профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и приходит к выводу о применении к ней меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

Применить к адвокату Б. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («адвокат обязан... честно, разумно, добросовестно, квалифицированно и своевременно исполнять свои профессиональные обязанности»), профессиональных

обязанностей перед доверителем О., выразившееся в том, что адвокат Б. не подала жалобу в страховую медицинскую организацию (СМО) относительно доступности медицинской помощи с требованием провести по жалобе медико-экономическую экспертизу, несмотря на то, что соответствующее поручение содержалось в п. 1.1 Соглашения № 238/2021 об оказании юридической помощи от 23 декабря 2021 года, заключенного ею с доверителем О.;

ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1. ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем О., выразившееся в том, что адвокат Б.:

– не согласовав с доверителем О. содержание искового заявления от 01 марта 2022 года к Департаменту здравоохранения города Москвы о признании права за несовершеннолетним на получение необходимой медицинской помощи на территории города Москвы, направила его в Т. районный суд города Москвы только 23 марта 2022 года – спустя три месяца после заключения Соглашения № 238/2021 об оказании юридической помощи с О. и после получения неоднократных напоминаний об этом со стороны доверителя, а также не передала доверителю О. исковое заявление и после его подачи в суд;

– без уважительной причины не явилась в заседания Т. районного суда города Москвы 28 апреля, 27 мая, 28 июня и 30 августа 2022 года по гражданскому делу № ... по рассмотрению искового заявления О. к Департаменту здравоохранения города Москвы, перепоручив представление интересов О. в суде третьему лицу – Е. и оставив тем самым доверителя О. без квалифицированной юридической помощи;

нарушение требований п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката (*«Адвокат должен избегать действия (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре»*) и взаимосвязанных положений п. 1 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката (*«Адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю», «Правила сохранения адвокатской тайны распространяются на факт обращения к адвокату, включая имена и названия доверителей, ... условия соглашения об оказании юридической помощи»*), выразившееся в том, что адвокат Б. направила в Филиал ГБУ МФЦ города Москвы МФЦ района Я. Адвокатский запрос от 23 сентября 2022 года № 108, не соответствующий требованиям ст. 6.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», не для получения конкретно определенных сведений (доказательств), необходимых адвокату Б. в целях оказания квалифицированной юридической помощи доверителю О., а в своих личных интересах: для получения сведений о доверителе и в целях оказания давления на доверителя в конфликтной ситуации путем сообщения по месту работы О.

компрометирующих ее сведений, и при этом указала в запросе сведения о доверителе О. и о заключенном с ней соглашении об оказании юридической помощи, составляющие адвокатскую тайну.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Б. по жалобе О. от 17 декабря 2022 года (вх. № ... от 19.12.2022), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков